

Научная статья
УДК 341.213.4

Исключительность федеративных государств и современная теория федерализма

Иван Александрович Ромайкин, кандидат юридических наук

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск (Республика Мордовия, 430005, ул. Большевистская, д. 68), Российская Федерация
mord5@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0431-424X>

Аннотация:

Введение. Статья 2 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. отдельно зафиксировала особое положение федеративных государств в международном общении, назвав его исключительным субъектом международного права. Несомненно, что федерации всегда выступали особым, специфическим субъектом международных отношений уже в силу своего государственного устройства. При этом, несмотря на большую распространенность федеративной формы государственного устройства в современном мире и активную вовлеченность многих ведущих федеративных государств в международные отношения, содержание термина «исключительность федеративных государств» остается неопределенным. Однако особенности юридической природы и государственно-территориального устройства федераций, влияющие как на внутригосударственное построение системы власти и управления, так и на их внешние сношения, определяют актуальность данной темы. Настоящая статья посвящена теоретическому анализу категории «исключительность федеративных государств». Источниками исследования выступают конституционные акты федеративных государств, международные договоры, а также исследования отечественных специалистов, касающиеся различных аспектов теории и практики федерализма. При подготовке данной работы автор также использовал результаты собственного анализа федеративных государств.

Методы. При интерпретации категории «исключительность» применительно к федеративным государствам автор исходил из понимания федерации как особого способа устройства государства и государственной власти, предполагающего обладание субъектами федерации публичного юридического титула, что влечет за собой организацию двухуровневой системы власти и федеративные отношения. Способы внешнего проявления этого публичного начала в территориальном устройстве

Ключевые слова:

федеративное государство, конвенция Монтевидео, исключительность федеративных государств, субъекты федерации, Конституция Боснии и Герцеговины, Союзное государство России и Белоруссии, правовой статус Калининградской области, постсоветское пространство, наднациональность государственности

Для цитирования:

Ромайкин И. А. Исключительность федеративных государств и современная теория федерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 10–21.

федерации, имеющие правовое значение, и составляют основное содержание понятия «исключительность федеративных государств». Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы и системно-структурный подход.

Результаты. Исключительность федеративных государств – особое правовое качество федеративных государств, связанное со спецификой их внутригосударственного устройства, в основе которого лежит публичное региональное начало (внутрипубличный статус субъектов федерации). Исключительность федеративных государств имеет многочисленные формы внешней репрезентации, которые можно свести к трем главным условиям: участие федерации (федераций) в международных отношениях, трансформация государственно-территориальной формы федеративных государств, учреждение международных или интеграционных объединений и организаций. При этом во всех формах внешней репрезентации федеративной исключительности ведущую роль играет юридический титул субъектов федерации (регионов). Исследование правовой исключительности федераций позволило также выявить дополнительные значения категории «наднациональность», которые в данном случае связаны с понятием государственности.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Exclusivity of federal states and modern theory of federalism

Ivan A. Romaikin, Cand. Sci. (Jurid.)

National Research Ogarev Mordovia State University
68, Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
mord5@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0431-424X>

Abstract:

Introduction. Article 2 of the Convention on the Rights and Duties of States, on December 26, 1933, established the legal status of federal states in international relations, constituting a sole entity in the eyes of international law. It is an irrefutable fact that federations have always been a specific subject of international relations, due to their state structure. Simultaneously, despite the pervasive prevalence of the federal form of state structure in the modern world and the active involvement of numerous leading federal states in international relations, the meaning of the term "exclusivity of federal states" remains ambiguous. However, the peculiarities of the legal nature and state-territorial structure of federations, which impact both the internal structure of the system of power and governance and their external relations, highlight the significance of this theme. The present article examines a theoretical analysis of the concept of "exclusivity of federal states". The study is based on a range of sources, including the constitutional acts of federal states, international treaties, and the research of domestic experts on various aspects of the theory and practice of federalism. In preparing this work, the author also used the findings of his own analysis of federal states.

Methods. In analysing the concept of "exclusivity" in the context of federal states, the author viewed a federation as a special form of governance structure and state power. This implies that the constituent entities within the federation possess public legal status, which entails a dual-tier power structure of state and federal relations. The manner in which this public principle is expressed within the legal framework of the federation's territorial structure constitutes the core content of the concept of "the exclusivity of federal states". The methodological basis of the study encompassed formal-legal, comparative-legal, historical methods, and a systemic-structural approach.

Results. The exclusivity of federal states is characterised by a legal feature, which is associated with the specifics of their internal state structure. This structure is based on the public regional principle (the internal public status of the constituent entities of federation). The concept "exclusivity of federal states" manifests in various forms of external representation, which can be categorized into three key conditions: the participation of the federation (or federations) in international relations, the transformation of the state-territorial structure of federal states, and the establishment of international or integration alliances and organisations. Simultaneously, in all forms of external representation of federal exclusivity, the legal status of the constituent entities of federation (regions) plays a pivotal role. The analysis of the legal exclusivity of federations also revealed additional nuances of "supranationality" concept, which in this context are linked to the concept of statehood.

Keywords:

the federative state, Montevideo Convention, exclusivity of the federative states, constituent entities of a federal state, Constitution of Bosnia and Herzegovina, the Union State of Russia and Belarus, legal status of the Kaliningrad region, post-Soviet space, supranationality of statehood

For citation:

Romaikin I. A. Exclusivity of federal states and modern theory of federalism // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 10–21.

The article was submitted November 5, 2025;
approved after reviewing February 12, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

В соответствии со статьей 2 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. (Конвенции Монтевидео), «Федеративное государство должно составлять единственную персону (sole person) в глазах международного права»¹. Вместе с тем в некоторых переводах этой Конвенции указанная норма звучит так: «Федеративное государство является исключительным субъектом международного права»². Действительно, как указывается в классическом англо-русском словаре, термин “sole” в одном из своих значений переводится как «единственный, исключительный»³.

Почему составители декларации отдельно выделили из общей массы государственных форм именно федеративную? И что означает исключительность федераций как правовая категория? Представляется, что в основании подобного правового определения федераций лежит специфика их государственного устройства – *публичное региональное начало*, или, иными словами, обладание субъектами федерации определенной мерой публичности. В этом смысле одним из классических примеров исключительности федераций является участие субъектов федерации в межгосударственных связях в ограниченных пределах.

К примеру, статья 271 Конституции Союзной Федеративной Республики Югославия 1971 года устанавливала, что республики и автономные края поддерживают сотрудничество с органами и организациями других государств и международными организациями в рамках установленной внешней политики Социалистической Федеративной Республики Югославии и международных договоров⁴. Аналогичные положения присутствовали и присутствуют в конституциях и законодательстве многих федеративных государств.

Связь категории «исключительность» с публичным статусом субъектов федерации может проявляться и в обладании последними различными и порой специфическими правовыми статусами, а также в приобретении или изменении таких правовых статусов. Кроме этого, значение может иметь и трансформация (изменение) существующих государственно-правовых форм федеративных государств и возникновение новых, которые в т. ч. будут сохранять преемственную связь с предшествующими.

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена в первую очередь спецификой юридической природы и государственно-территориального устройства федеративных государств, которые оказывают заметное, а во многих случаях и решающее влияние на развитие различных государственно-правовых институтов федераций, а также на модернизацию их государственно-территориальных систем. Большое значение имеют процессы трансформации государственно-правовых форм различных федеративных государств (например, СССР, Югославии и др.), возникновение новых пространств межгосударственного общения (постсоветского, постюгославского) и приобретение бывшими субъектами федеративных государств статуса суверенного государства. Указанные аспекты могут быть раскрыты и проанализированы через понятие «исключительности федераций».

Основной целью настоящего исследования является анализ категории «исключительность федеративных государств» как юридического термина и теоретического понятия, посредством которого могут быть раскрыты специфические черты и характеристики федеративных государств, обусловленные особенностями их государственно-территориального устройства и организации системы государственной власти, а также их правовой природы в целом.

Ключевыми задачами проведенного исследования выступают:

- 1) анализ отдельных юридических документов, устанавливающих правовую основу некоторых федеративных государств и межгосударственных интеграционных объединений;
- 2) изучение особенностей трансформации и модернизации государственно-правовых форм некоторых федеративных государств;
- 3) исследование юридической природы федераций, основанных на международно-правовом акте;

¹ Convention on rights and duties of states adopted by the seventh international conference of American States. Signed at Montevideo. December 26th, 1933 // League of Nations : Treaty Series : Treaties and international Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. Brussels, 1936. Vol. CLXV. P. 25.

² Конвенция о правах и обязанностях государств (подписана в г. Монтевидео 26 декабря 1933 г.) // Информационная система «Параграф» (prg.kz) : [сетевое издание]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38249008 (дата обращения: 30.10.2025).

³ Англо-русский словарь : Около 34 000 слов / сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. Изд. 3-е, стереотип. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 761.

⁴ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия (провозглашена 21 февраля 1974 г.) // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=781> (дата обращения: 30.10.2025).

4) анализ юридической природы международных объединений, образованных государствами, имеющими общий исторический опыт государственного развития;

5) исследование правовых аспектов развития пространств межгосударственного общения, возникших в результате трансформации государственно-правовых форм федеративных государств.

Тема исключительности федеративных государств связана с различными аспектами теории федерализма, многие из которых неоднократно становились предметом соответствующих исследований. При этом ключевые аспекты избранной темы, как станет ясно из изложенных далее результатов, так или иначе связаны с ролью и значением юридического положения субъектов федерации (в целом и в частности) и проявлениями этого положения во внутригосударственном устройстве федераций и в области их внешних сношений. Многие стороны данного вопроса нашли свое детальное освещение в фундаментальных трудах А. С. Яценко, А. А. Жилина, Н. И. Палиенко, Ф. Ф. Кокошкина, Б. Л. Железнова, Р. Г. Абдулатипова и мн. др. Зарубежный опыт федеративного строительства подробно исследован в работах В. Е. Чиркина, А. Ю. Саломатина, И. Н. Ившиной и др. Проблемы, касающиеся международного положения федераций, затрагивались в классических курсах Л. Ф. Л. Оппенгейма и Я. Браунли. Особенности развития федеративных отношений на современном этапе как в России, так и в зарубежных странах глубоко исследованы в трудах Е. М. Примакова, А. И. Вдовина, И. В. Бахлова, И. В. Лексина и других специалистов.

Методы

Категория «исключительность федеративных государств» исследовалась при помощи совокупности основных методов научного познания, применяемых в юридической науке.

Формально-юридический метод лежал в основе анализа юридических актов – как международных, так и внутригосударственных, которые касаются различных аспектов избранной темы, в частности, выступают учредительными по отношению к отдельным федерациям (Босния и Герцеговина) или международным объединениям (Союзное государство России и Беларуси).

Сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставление государственно-правовых форм различных федеративных государств, выявить особенности их правовой регламентации и исторического развития.

При этом также использовался исторический метод, который позволил проследить различные проявления преемства в развитии федеративных государств, в т. ч. связанные с изменениями их государственно-территориальной организации, что помогло установить новые значения категории «наднациональность», связанные с понятием государственности, и охарактеризовать в качестве правового феномена специфические пространства межгосударственного общения, возникающие при трансформации государственно-территориальных форм федеративных государств.

Системно-структурный подход использовался для целостной оценки федеративных государств как сложных государственно-территориальных систем, ключевой особенностью которых является обладание их территориальными единицами (субъектами федерации) определенной мерой публичности (юридическим титулом), что оказывает решающее влияние на смысл и характер всей федеративной системы в целом.

Совокупность используемых научных методов позволила определить исключительность федеративных государств как их особое правовое качество, проистекающее из особенностей внутригосударственного устройства, и установить основные формы внешнего проявления исключительности федераций.

Результаты

Исключительность федеративных государств может иметь различные формы внешней презентации. Затронем более подробно некоторые, наиболее интересные и примечательные проявления исключительности федеративных государств.

Босния и Герцеговина: федерация с элементами международно-правовой природы

После распада крупных федераций из их бывших субъектов могут образовываться другие федеративные государства, обладающие своеобразной юридической природой. В теории федерализма давно признано, что любая федерация независимо от способа ее создания («сверху»

или «снизу») обладает государственно-правовой природой. Это связано с тем, что федеративная форма государственного устройства всегда учреждается общегосударственным (общегосударственным) актом, который принимает общегосударственный орган власти, распространяющий свои полномочия на все государство.

Тем не менее опыт федеративного строительства некоторых современных стран свидетельствует, что их юридическая природа может основываться не только на внутрисоциальном, но и на международном акте. Так, после распада Югославии на руинах бывшей социалистической федерации вместе с другими государствами – бывшими субъектами Социалистической Федеративной Республики Югославия – была образована Босния и Герцеговина. Ее форма государственно-территориального устройства базируется на акте международно-правового характера – Дейтонских мирных соглашениях 1995 года, в соответствии с которыми она была образована⁵.

Босния и Герцеговина, как и любое государство, обладает и собственной конституцией. Конституция Боснии и Герцеговины 1995 года является приложением к Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине 1995 года, согласно которому (ст. V) стороны приветствуют и одобряют достигнутые договоренности в отношении Конституции Боснии и Герцеговины, полностью соблюдают взятые в ней обязательства и содействуют их выполнению. При этом Конституция Боснии и Герцеговины закрепляет, что Общее рамочное соглашение является конституционным актом, изменяющим и заменяющим Конституцию Боснии и Герцеговины⁶.

Таким образом, юридическая природа Федерации Боснии и Герцеговины в определенном смысле имеет смешанный характер. С одной стороны, ее федеративная форма учреждена Конституцией, с другой – сама Конституция введена в действие международно-правовым актом, приоритет которого над Конституцией в ней прямо закреплен. Согласно части 1 статьи 12 Конституции, она вступает в силу после подписания Общего рамочного соглашения. Кроме того, известно, что текст Конституции Боснии и Герцеговины на референдум не выносился [1, с. 200].

Характеризуя форму государственного устройства Боснии и Герцеговины, нужно учитывать и то, что эта форма не является совершенно новой для самого государства. Часть 1 статьи 1 Конституции Боснии и Герцеговины (именуемая «Преемственность») устанавливает, что Босния и Герцеговина продолжает свое юридическое существование в соответствии с нормами международного права как государство с внутренней структурой, измененной этой Конституцией. Отсюда следует, что федеративная форма Боснии и Герцеговины является не созданной впервые, как это происходит при классическом образовании федеративного государства, а измененной (т. е. как бы сохраненной в новом качестве).

Специфично нормативное регулирование и внутренней структуры этого государства. Внутренняя структура Боснии и Герцеговины определяется ее Конституцией (ч. 1 ст. 1). При этом в ней не оговаривается четко, «является ли БиГ федерацией или конфедерацией» [1, с. 202]. Конституция устанавливает только, что Босния и Герцеговина состоит из двух образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской (ч. 3 ст. 1). А. В. Савченко и М. С. Хмелевский отмечают, что это государство имеет черты как федерации, так и конфедерации [2, р. 550]. Е. Г. Пономарева характеризует Боснию и Герцеговину как мягкую федерацию [3, с. 221]. Отталкиваясь от положений преамбулы Конституции Боснии и Герцеговины, которые в т. ч. закрепляют принципы суверенитета и территориальной целостности Боснии и Герцеговины, а также других конституционных норм, касающихся правового статуса и обязанностей Образований (в частности, ст. 3), можно оценивать это государство как федеративное с неявно выраженным центральным управлением. Термины и общее содержание ст. 3 Конституции, регулиющей отношения между Образованиями, также свидетельствуют в пользу «мягкого» характера этой федерации.

Особое место в государственно-территориальной структуре Боснии и Герцеговины занимает округ Брчко. Округ Брчко имеет особый статус буферной зоны между двумя частями Республики Сербской – «он объединяет обе части Республики Сербской и является нейтральной, самоуправляемой административной единицей: формально он не принадлежит ни Федерации Боснии и Герцеговины, ни Республике Сербской» [2, р. 550]. Первоначально согласно статье V Соглашения о линии разграничения между образованиями и связанных с этим вопросах район Брчко являлся неотъемлемой частью территории обоих образований Боснии и Герцеговины

⁵ Общее рамочное Соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (документ Совета Безопасности ООН А/50/790, S/1995/999) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

⁶ Конституция Боснии и Герцеговины // Организация Объединенных Наций (далее – ООН) : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_yugoslavia.shtml (дата обращения: 04.11.2025).

и должен был управляться на основании международного арбитражного урегулирования в прежнем порядке (ч. 4 ст. V). В 1999 году район Брчко был преобразован Арбитражным трибуналом в округ Брчко.

«Округ объединял территорию довоенной общины Брчко. При этом из состава обоих образований – РС и ФБиГ, – выводилась часть территории, отошедшей к ним по Дейтонским соглашениям. Созданный таким образом округ подчинялся непосредственно центральным органам БиГ. Такое решение было прямым нарушением Дейтонских соглашений» [4, с. 94]. В итоге структура Боснии и Герцеговины включает в себя два субъекта и округ с особым международно-правовым статусом. «Все эти образования являются самоуправляемыми без права на отделение, то есть выход из состава единого государства» [2, р. 550].

Наряду с высшими органами власти в структуре управления Боснией и Герцеговиной присутствует международный институт – Аппарат Верховного представителя по Боснии и Герцеговине. Формально должность Верховного представителя была введена для координации деятельности организаций и учреждений, участвующих в осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования⁷, т. е. для реализации положений Дейтонских соглашений. Верховный представитель назначается Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и юридически и фактически контролирует государство.

Согласно части 3 статьи III Соглашения об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования (приложение 10 к Дейтонским соглашениям), Верховный представитель пользуется в рамках законодательства Боснии и Герцеговины такой правосубъектностью, которая может оказаться необходимой для осуществления им или ею своих функций, включая право заключать контракты, а также приобретать и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом⁸. Кроме этого, Верховный представитель обладает правом окончательного решения в отношении толкования Соглашения об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования.

Можно заключить, что существующая ныне форма государственно-территориального устройства Боснии и Герцеговины является специфической и в своем роде уникальной. Такой вывод можно сделать, исходя из приведенных наблюдений, а также на основании анализа учреждения федеративной формы государственного устройства в странах мира, проведенного в свое время автором [5, с. 64–65]. Согласно нашему анализу, только Босния и Герцеговина как федеративное государство была образована в результате международно-правовых (Дейтонских) соглашений. Другие прецеденты учреждения федераций, при которых в той или иной форме использовались международно-правовые инструменты, не являются сходными с образованием Боснии и Герцеговины. В частности, Микронезия, являющаяся с 1978 года свободно ассоциированной территорией с США, до получения этого статуса входила в Подопечную территорию Тихоокеанские острова, которая управлялась США по мандату ООН с 1947 года. Остальные 25 федераций были провозглашены или учреждены конституционными актами или законами, т. е. внутрисоюзными юридическими документами [5, с. 64–65]. Это в том числе касается и такой специфической федерации, как Танзания, временная Конституция которой 1964 года предусматривала разграничение компетенции между союзными органами Танзании и государственными органами Занзибара [5, с. 65].

Суммируя сказанное, представляется правильным относить Боснию и Герцеговину к федеративным государствам, т. к. эта страна обладает основным отличительным признаком федераций – публичным характером своих субъектов (образований). Их правовой статус установлен конституционно.

Основные юридические положения, касающиеся статуса, внутренней структуры и органов власти Боснии и Герцеговины, свидетельствуют в пользу того, что эта страна как федерация обладает элементами государственно-правовой природы. Однако в отличие от классических федераций в структуре управления Боснией и Герцеговиной приоритет имеет не федеральный (внутрисоюзный), а международный (надгосударственный) уровень власти. При этом и международный, и федеральный уровни власти распространяют свои полномочия на все государство, а международный в свою очередь – на центральные органы власти и управления. Соответственно, и в структуре законодательства Боснии и Герцеговины также можно выделить наднациональный и национальный уровни правового регулирования.

⁷ Соглашение об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования (документ Совета Безопасности ООН А/50/790, S/1995/999) // ООН : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/civilian.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

⁸ URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

Таким образом, современная Босния и Герцеговина может быть охарактеризована как специфическое федеративное государство, обладающее элементами государственно-правовой природы, государственное устройство которого проистекает из международно-правового акта. Отсутствие у субъектов федерации (образований) права на выход из состава государства может рассматриваться как формальное закрепление конституционного принципа государственного единства – одного из важнейших признаков любой федерации.

Наднациональность государственности: Союзное государство России и Белоруссии

В определенных случаях бывшие субъекты распавшихся федераций, ставшие независимыми государствами, могут образовывать интеграционные объединения, юридическая природа которых свидетельствует об общей для этих государств государственности (историко-культурной основе). В этом случае можно вести речь о *наднациональности государственности*.

Классический пример наднациональности государственности в указанном смысле – Союзное государство России и Белоруссии. Преамбула Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. гласит, что Российская Федерация и Республика Беларусь учреждают Союзное государство, опираясь на общность исторических судеб народов России и Белоруссии, подтверждая приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций и желание жить в мире и добрососедстве с другими государствами⁹.

Учреждение Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларуси привнесло новые смысловые коннотации в само понятие «союзного государства». С. И. Куракина отмечает, что «не следует смешивать определение „союзное государство” с союзным государством СССР и с определением „союзного государства” как федерации у классиков дореволюционной теории государства. При желании можно сказать, что союзное государство – это третий этап сближения государств (после международно-правового союза и конфедерации), это своеобразный синтез конфедерации и федерации»¹⁰.

Анализ Договора о создании Союзного государства действительно содержит отдельные положения, характерные для федеративных союзов. К таким положениям можно отнести, например, ч. 2 ст. 3 («Союзное государство основано на разграничении предметов ведения и полномочий между Союзным государством и государствами-участниками»); ч. 1 ст. 7 («Территория Союзного государства состоит из государственных территорий государств-участников»); раздел II Договора («Предметы ведения Союзного государства»)¹¹ и некоторые другие. Полагаем, что наличие в правовой природе Союзного государства федеративных черт является еще одним видимым проявлением общей исторической государственности России и Белоруссии и ее объединительной сущности.

Союзное государство обладает и ярко выраженной историко-правовой природой. Оно учреждено государствами – бывшими союзными республиками СССР (причем еще в советское время имевшими статус членов ООН), народы которых объединены общей тысячелетней историей. Особое объединительное значение имеет для России и Белоруссии [6, с. 1695] сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Защита исторической правды о подвиге защитников Отечества в качестве одной из важнейших целей государственной политики закреплена конституционно как в России (ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации¹²), так и в Белоруссии (ч. 2 ст. 15 Конституции Республики Беларусь¹³). Недопущение ревизии памяти о Великой Отечественной войне и фальсификации истории О. В. Бахлова и И. В. Бахлов рассматривают в качестве одного из ключевых параметров развития Союзного государства [7, с. 15].

Постсоветское пространство как сфера межгосударственного взаимодействия

В результате трансформации государственно-территориальных форм федеративных государств могут возникать особые пространства межгосударственного общения, участниками которого становятся государства, являвшиеся ранее субъектами единой федерации. Один из характерных примеров – *постсоветское пространство*.

⁹ О создании Союзного государства : договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2000. № 7. Ст. 786.

¹⁰ Куракина С. И. Союзное государство Беларуси и России: конституционно-правовое исследование : автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 23.

¹¹ СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 27.12.2025).

¹³ Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 03.10.2025).

Сам термин «постсоветское пространство» говорит о том, что оно понимается и осмысливается прежде всего в отношении к Советскому государству и его прошлому как некая реальность, возникшая после исчезновения СССР с международной арены. Это осмысление имеет и правовое измерение [8, с. 17–19]. Такая «советская» смысловая грань является первой и ключевой в определении постсоветского пространства. Причем эта грань носит не только ретроспективный, но и перспективный характер, прежде всего, в силу конституционного и международного статуса России как правопреемника и правопродолжателя СССР.

Несмотря на то, что между бывшими союзными республиками стали выстраиваться межгосударственные отношения [9, с. 25], правовые порядки теперь уже независимых государств имеют историческую и юридическую связь с общегосударственным правовым порядком СССР в силу принципа преемственности правового пространства, который имеет важнейшее значение при рассмотрении постсоветского пространства.

В частности, как отмечают Д. Ш. Пирбудагова, С. М. Габиева и Х. В. Рамазанова, «сущность преемственности заключается в удержании, сохранении и использовании отдельных элементов предшествующего уровня развития права в дальнейшем и на сущностном уровне определяется через его связь с государством и демократическими принципами организации и функционирования государственно-организованного общества, самобытностью и менталитетом народа» [10].

Длительное пребывание государств постсоветского пространства в составе единого Союза ССР и соответствующая постоянно совершенствующаяся практика конституционного регулирования федеративных (союзных) отношений открыли для многих из них возможность построения собственной государственности. Советская государственная наука, в рамках которой было дано глубокое и всестороннее доктринальное обоснование юридической сущности советского федерализма [11; 12] и раскрыты особенности юридического положения союзных республик в составе Советского союзного государства, сыграла в этом свою положительную роль.

Преемственность правового пространства имеет и еще один значимый аспект, о котором также пишут специалисты. Они указывают, что преемственность в формировании и функционировании единого правового пространства может проявляться в т. ч. в юридической технике, когда «воспринимаются и используются различные достижения юридической техники: терминология, дефиниции, способы построения, приемы формулирования норм и др.» [10]. Указанную преемственность мы наблюдаем, к примеру, в форме отдельных нормативных актов, принятых и действующих в России. Речь идет о такой форме, как основы законодательства. Как пишет И. Г. Дудко, «в отечественной правовой истории „основы законодательства“ занимают целую эпоху <...>. Они выступали активным центром в отношении отраслевых подсистем, выстраивая управляющие связи с союзными и республиканскими законами и подзаконными актами» [13, с. 41].

В настоящее время в России действуют Основы законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁴, Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»¹⁵ (своеобразное использование советской формы правового акта с уже неприменяемой формой Закона Российской Федерации). Достаточно долго в постсоветской России действовали Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 года¹⁶, Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах 1993 года¹⁷ и некоторые другие. Кроме этого, форма основ законодательства применяется и в Союзном государстве России и Беларуси. Согласно части 2 статьи 59 Договора «О создании Союзного государства» 1999 года, по предметам совместного ведения Союзного государства и государств-участников наряду с директивами и резолюциями принимаются Основы законодательства¹⁸. В этом также состоит продолжение (преемственность) советской практики нормативного регулирования различных сфер общегосударственного управления уже на межгосударственном уровне.

¹⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1993. 13 марта.

¹⁵ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. 1992. 17 ноября.

¹⁶ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318. Утратил силу.

¹⁷ Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 7 июля 1993 г. № 5341-1 // Российская газета. 1993. 14 августа. Утратил силу.

¹⁸ СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

Таким образом, можно сказать, что специфика постсоветского пространства как особого правового феномена и пространства межгосударственного общения заключается в том, что:

Во-первых, его участниками являются государства – бывшие союзные республики СССР, пребывавшие некогда в едином союзном советском правопорядке.

Во-вторых, эти государства так или иначе определяют свое отношение к советскому прошлому, в т. ч. на конституционном и законодательном уровне, но делают это по-разному. Как отмечает А. А. Дорская, у государств постсоветского пространства на современном этапе наблюдаются «разные векторы в отношении сохранения общего исторического прошлого – от полного отрицания позитивных черт советского периода до коллективной, продуманной политики, направленной на преумножение общего наследия» [14, с. 55].

В-третьих, общее историко-правовое наследие оказывает влияние на характер межгосударственного общения государств постсоветского пространства; этот характер отношений может быть определен как международный и внутренний одновременно, ибо эти отношения выстраиваются между странами общего исторического пространства.

В-четвертых, у отдельных государств и интеграционных объединений на постсоветском пространстве наблюдается преемственность в использовании некоторых форм правовых и управленческих актов (основ законодательства).

В-пятых, особая роль на постсоветском пространстве принадлежит России как государству – правопреемнику и правопродолжателю СССР, статус которой уже на новом этапе исторического развития олицетворяет преемственность с правовым порядком Советского государства.

3 Заключение

Исследование исключительности федеративных государств позволяет заключить, что данное понятие связывает различные проявления внутрипубличной организующей объединительной сущности федераций, к которым можно отнести:

1) возможность внешних связей субъектов федерации (как правило, при согласии федерального центра);

2) возможность учреждения федеративного государства на основании международного акта с сохранением ключевых свойств и элементов государственно-правовой природы федераций (Босния и Герцеговина);

3) возможность приобретения полноправного международного статуса субъектами федерации и их межгосударственное общение (бывшие союзные республики СССР; постсоветское пространство);

4) возможность приобретения и последующего изменения субъектами федерации своего международного статуса (после распада федераций).

Кроме этого, к особым проявлениям исключительности федераций можно отнести приобретение Российской Федерацией статуса государства-правопреемника и правопродолжателя СССР, что, по мнению специалистов, является совершенно новой категорией для теории и практики международного общения [15, с. 7].

Другим особым проявлением исключительности федераций является возможность субъекта федерации выступать участником международных связей без приобретения международного статуса. Речь идет о Калининградской области, которая является неотъемлемой частью территории России, входит в единое правовое, экономическое, территориальное и культурное пространство нашей страны, но при этом также обладает и ярко выраженным международно-правовым оттенком своего конституционного статуса.

Как указывают современные авторы, Калининградская область как регион является юридически признанным международным сообществом [16, с. 126], его географическое положение делает этот российский регион уникальным субъектом Российской Федерации [17, с. 90]. Интересно, что исключительное значение Калининградской области для политических, военно-стратегических и экономических интересов России подчеркивалось еще Указом Президента России от 18 мая 1995 г. № 495¹⁹.

Согласно части 2 статьи 4 Устава (Основного закона) Калининградской области, Калининградская область обладает правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных

¹⁹ О социально-экономическом развитии Калининградской области : Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 1995 г. № 495 (ред. от 13.02.1996) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1956.

организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели²⁰. Это означает, что Калининградская область, обладая конституционным статусом субъекта России, имеет более широкий объем полномочий, что при этом не изменяет юридической природы этого конституционного статуса по сравнению с конституционным статусом всех остальных субъектов Российской Федерации.

Приобретение бывшими субъектами распавшихся федераций собственных международных статусов соответствует понятию статусности государства и может являться начальной стадией приобретения ими положения (достоинства, авторитета) самостоятельного государства, что также выступает проявлением исключительности федераций.

Следует констатировать также, что понятие «наднациональности» можно рассматривать в двух новых значениях. Традиционно этим понятием обозначалось «явление, существующее в рамках межгосударственного объединения и непосредственно реализуемое при передаче полномочий его членов на межгосударственный уровень» [18, с. 10]. Суть наднационального регулирования определялась тем, что «государства, входящие в интеграционное образование <...> обязаны или вынуждены подчиняться нормам, принятым самим интеграционным объединением (международной организацией) на основании ее уставной правосубъектности» [19, с. 178].

С учетом проведенного исследования понятием «наднациональности» также следует обозначить:

во-первых, одно из основных качеств государственности как исторически завершенной государственно-культурной основы организации группы государств, которая может иметь соответствующее правовое оформление (Союзное государство России и Беларуси);

во-вторых, характеристику правовых систем, сложившихся между государствами, образовавшимися в результате распада единого государства, предполагающих в силу преемственности правового пространства единообразные модели и формы правового регулирования международных отношений этих государств в рамках созданных ими межгосударственных объединений и организаций (правовые системы Союзного государства России и Беларуси, Содружества Независимых Государств, ОДКБ, ЕврАзЭС).

Исключительность федеративных государств не утрачивает своей значимости. XX век, и особенно его вторая половина, наполнил это понятие новым нестандартным смыслом. Вполне возможно, что тема исключительности федераций еще не раз станет предметом научных поисков. Так, в ходе масштабного проекта «Федерализм и правовая унификация» профессорами Д. Халберстемом и М. Рейманном был проведен сравнительный анализ 20 федеративных государств, к которым они отнесли и те, которые формально не являются таковыми (например, Италия, Испания, ЮАР, Великобритания) [20, с. 68], что говорит об изменчивости и многовариантности государственно-правовых форм разных (особенно сложных) стран, исследование которых требует обновленной методологии.

Конвенция Монтевидео не случайно отдельно подчеркнула исключительность федеративных государств. Своим устройством федерации наиболее ярко отображают внутреннюю объединительную сущность государств, которая в условиях федерализма приобретает внутривластный организующий характер. Внутривластный характер юридической природы федеративных государств состоит в публично-правовой связи федерального центра с субъектами федерации посредством реализации федеративных отношений. В силу определенной публичности, которой наделены субъекты федерации внутри государства, они имеют известную степень государственной организации (самостоятельности), и в случае трансформации государственно-территориальной формы федераций она может выступать (хотя и не всегда) предпосылкой к построению собственной публично-властной системы уже другого суверенного государства.

Таким образом, исключительность федеративных государств играет в настоящее время большую роль при характеристике правового положения федераций.

Список источников

1. Еремин Д. П. Институт Высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины // Современная Европа. 2022. № 3 (110). С. 199–209. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030159>
2. Савченко А. В., Хмелевский М. С. Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 3. С. 545–559. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559>

²⁰ О вступлении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области : Закон Калининградской области от 18 января 1996 г. № 30 (ред. от 02.12.2015) // Сборник правовых актов Калининградской области (www.kaliningrad-pravo.ru) : [сайт]. URL: <https://kaliningrad-pravo.ru/zakon/2025/10/24/n-478/> (дата обращения: 03.11.2025).

3. Пономарева Е. Г. Ловушки и дилеммы мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // *Политеиа*. 2011. № 1 (2). С. 219–233. <https://doi.org/10.5937/pol1102219P>
4. Энгельгардт Г. Н. От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. № 1 (16). С. 87–97.
5. Ромайкин И. А. Федеративное государство и организация государственной власти : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 184 с.
6. Дорская А. А. Проблема переживания истории советского периода как способ самоидентификации государств и народов: правовой аспект / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. Ч. 1. С. 1691–1699.
7. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2022. Т. 22, № 1 (57). С. 9–26. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.057.022.202201.009-026>
8. Дорская А. А. Сохранение общего исторического прошлого и процессы самоидентификации государств и народов постсоветского пространства: правовое измерение // *Образование и право*. 2023. № 10. С. 16–21. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-10-16-21>
9. Федорова-Кузнецова И. В. Россия – СНГ: основные направления политической трансформации на постсоветском пространстве // *Общество: политика, экономика, право*. 2022. № 6 (107). С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.3>
10. Пирбудагова Д. Ш., Габиева С. М., Рамазанова Х. В. Обеспечение единства правового пространства в условиях федеративной организации Российского государства : монография. Москва : [б. и.], 2017. 116 с.
11. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. Москва : Издательство Московского университета, 1967. 335 с.
12. Лепешкин А. И. Советский федерализм : (Теория и практика). Москва : Юридическая литература, 1977. 319 с.
13. Дудко И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Проблемы теории и практики : [монография]. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2004. 294 с.
14. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение : монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. 176 с.
15. Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 190 с.
16. Власов В. А., Метлицкая С. А. Политико-правовой анализ особого положения Калининградской области как отдельного субъекта Российской Федерации и специфического эксклава, находящегося за ее пределами // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 7 (199). С. 125–129. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_125
17. Саленко А. В. Калининградская область: 70-летие особого субъекта Российской Федерации // *Российский юридический журнал*. 2016. № 6 (111). С. 88–96.
18. Гаврилов В. В., Данышов В. Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине // *Московский журнал международного права*. 2019. № 3. С. 6–13. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
19. Кудрявец Ю. Н. Наднациональное правовое регулирование в интеграционных объединениях / Беларусь в современном мире : материалы XX Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета, г. Минск, 29 октября 2021 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2021. С. 177–181.
20. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Многовариантность развития федерализма (опыт сравнительного диахронного и синхронного исследования) // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 5 (45). С. 63–70. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.063-070>

References

1. Eremin D. P. Institut Vysokogo predstavatelya kak vyzov razvitiyu sovremennoj Bosnii i Gercegoviny // *Sovremennaya Evropa*. 2022. № 3 (110). С. 199–209. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030159>
2. Savchenko A. V., Hmelevskij M. S. Bosniya i Gercegovina – istoricheskiy most mezhdu balkanskimi kul'turami, religiyami i naciymi // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2020. Т. 11, № 3. С. 545–559. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559>
3. Ponomareva E. G. Lovushki i dilemmy mirnogo soglasheniya, ili kakoe budushchee zhdet Bosniyu i Gercegovinu? // *Politeia*. 2011. № 1 (2). С. 219–233. <https://doi.org/10.5937/pol1102219P>
4. Engel'gardt G. N. Ot arbitrazha do okruga: rajon Brhko v Dejtonskoj Bosnii // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2011. № 1 (16). С. 87–97.
5. Romajkin I. A. Federativnoe gosudarstvo i organizaciya gosudarstvennoj vlasti : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2021. 184 s.
6. Dorskaya A. A. Problema perezhivaniya istorii sovetского периода как способ самоидентификации государств и народов: pravovoj aspekt / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. : v 2 ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. Ch. 1. S. 1691–1699.
7. Bahlova O. V., Bahlov I. V. Scenarii evolyucii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: cennosti i pragmatika // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2022. Т. 22, № 1 (57). С. 9–26. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.057.022.202201.009-026>
8. Dorskaya A. A. Sohranenie obshchego istoricheskogo proshlogo i processy samoidentifikacii gosudarstv i narodov postsovetского пространства: pravovoe izmerenie // *Obrazovanie i pravo*. 2023. № 10. С. 16–21. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-10-16-21>
9. Fedorova-Kuznecova I. V. Rossiya – SNG: osnovnye napravleniya politicheskoy transformacii na postsovetском пространстве // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2022. № 6 (107). С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.3>
10. Pirbudagova D. Sh., Gabieva S. M., Ramazanova H. V. Obespechenie edinstva pravovogo prostranstva v usloviyah federativnoj organizacii Rossijskogo gosudarstva : monografiya. Moskva : [b. i.], 2017. 116 s.
11. Zlatopol'skij D. L. SSSR – federativnoe gosudarstvo. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 335 s.
12. Lepeshkin A. I. Sovetskij federalizm : (Teoriya i praktika). Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1977. 319 s.

13. Dudko I. G. Zakonodatel'stvo sub'ektov Rossijskoj Federacii. Problemy teorii i praktiki : [monografiya]. Saransk : Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2004. 294 s.
14. Dorskaya A. A. Perezhivanie istorii kak faktor samoidentifikacii gosudarstv i narodov v XXI veke: pravovoe izmerenie : monografiya. Sankt-Peterburg: Asterion, 2023. 176 s.
15. Kremnev P. P. Raspad SSSR i pravopreemstvo gosudarstv : monografiya. Moskva : YUrlitinform, 2012. 190 s.
16. Vlasov V. A., Metlickaya S. A. Politiko-pravovoj analiz osobogo polozheniya Kaliningradskoj oblasti kak ot del'nogo sub'ekta Rossijskoj Federacii i specificheskogo eksklava, nahodyashchegosya za ee predelami // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 7 (199). S. 125–129. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_125
17. Salenko A. V. Kaliningradskaya oblast': 70-letie osobogo sub'ekta Rossijskoj Federacii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 6 (111). S. 88–96.
18. Gavrilov V. V., Dan'shov V. E. Soderzhanie kategorii "nacional'nost'" v sovremennoj mezhdunarodno-pravovoj doktrine // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2019. № 3. S. 6–13. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
19. Kudryavec Yu. N. Nadnacional'noe pravovoe regulirovanie v integracionnyh ob'edineniyah / Belarus' v sovremennom mire : materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, g. Minsk, 29 oktyabrya 2021 g. Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 177–181.
20. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. Mnogovariantnost' razvitiya federalizma (opyt sravnitel'nogo diahronnogo i sinhronnogo issledovaniya) // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 5 (45). S. 63–70. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.063-070>